

ДМИТРИЙ МАКАРОВ

ЛЕКЦИИ ПО ИСКУССТВУ

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ

Дмитрий Макаров

**Лекции по искусству.
Страшные сказки**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821-34.09
ББК 83.3(0)

Макаров Д. А.

Лекции по искусству. Страшные сказки / Д. А. Макаров —
«Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-121874-4

Сказки для нас – прошлое. В них нет и не может быть ничего нового, не так ли? А нам хочется новизны, мы пытливо засматриваемся в будущее. Книга поэта и писателя Дмитрия Макарова разубедит вас. «Красная Шапочка», «Золушка», «Кот в сапогах» и другие великие сюжеты предстанут в своем развитии, затронувшем всю многовековую историю нашего общества.

УДК 821-34.09
ББК 83.3(0)

ISBN 978-5-17-121874-4

© Макаров Д. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

От автора	6
Золушка	8
1	9
2	11
3	12
4	13
5	14
6	16
7	17
8	18
Красная Шапочка	19
1	20
2	21
3	23
4	24
5	25
6	27
7	29
8	31
Спящая красавица	32
1	33
2	34
3	35
4	36
5	37
6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Алексеевич Макаров

Лекции по искусству. Страшные сказки

© Д.А. Макаров, текст, 2020

© Д.В. Феокистов, иллюстрации, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Для тех, кто читает аннотации

Сказки для нас – прошлое. В них нет и не может быть ничего нового, не так ли? А нам хочется новизны, мы пытливо засматриваемся в будущее. Книга поэта и писателя Дмитрия Макарова, созданная как продолжение телепроекта «Страшные сказки», разубедит вас. «Красная Шапочка», «Золушка», «Кот в сапогах» и другие великие сюжеты предстанут в своем развитии, затронувшем всю многовековую историю нашего общества. Здесь есть эрос и танатос, нравственное и безнравственное, право и несправедливость, большинство и меньшинство. Сказки – барометр европейской культуры. Поэтому, как их сегодня рассказывают, можно понять, в каком она состоянии. И даже угадать ее будущее. Попробуем? Но вы лучше пока присядьте. Сказки не любят суеты.

Для тех, кто не читает аннотаций

Если совсем коротко, то «Красная Шапочка» – про секс и смерть. «Мальчик-с-пальчик» – про человека с особенностями. «Кот в сапогах» – о сражении меньшинства и большинства. «Синяя борода» – о жутковатом современном искусстве. «Рапунцель» – о насилии родителей над детьми. И так далее. А вы что думали, в сказку попали? Удивляйтесь, ужасайтесь, смейтесь, думайте, читая книгу Дмитрия Макарова «Страшные сказки».

От автора

Я не ученый. Не фольклорист и не психолог. Я писатель, рассказчик историй. И сказки заинтересовали меня прежде всего потому, что это хорошо известные сюжеты, которые люди продолжают без устали пересказывать. В том числе современные люди, вроде бы более всего на свете жаждущие новизны. Что им до Золушки или Спящей красавицы? Но и они знают, кто это.

Красная Шапочка, хрустальная туфелька, карета-тыква, безумно длинные волосы, волшебное зеркало, аленький цветочек или столетний сон – то, что сразу «подшивает» фильм, комикс, анекдот, стихотворение к «делу» той или иной сказки. Не обязательно знания слушателя или читателя глубоки, но хоть какие-то есть всегда.

Можно, конечно, помянуть все любимого умниками Борхеса, который утверждал, что на свете есть всего 4 сюжета: осажденный город, возвращение домой, поиск и самоубийство бога. Суждение великого слепца – глубоко и метко. И да, наши сказки тоже можно свести к этим сюжетам.

Можно и нужно вслед за фольклористами Владимиром Проппом или Софьей Агранович, которых я не раз цитирую на страницах книги, увидеть связь сказки с мифом, ритуалом и обычаем. Для этих ученых сказочные герои – никакие не герои, а функции. У них нет ни индивидуальности, ни личности.

Можно и нужно вслед за психоаналитиками рассмотреть более поздние версии сказок, разобрать поступки и поведение персонажей, выделить психотипы. Найти недетское в детском, задать взрослые вопросы. Так делали, например, Эрих Фромм и Эрик Берн.

Можно всё.

Великие сказки, которые я рассматриваю в этой книге, – живые организмы, меняющиеся вместе с культурой, которая их породила. Они хранят в себе зашифрованное прошлое (и его можно попытаться распутать).

Сравнение версий сказок необыкновенно ярко иллюстрирует эволюцию человека и общества.

Сказки поэтичны – они зарифмованы с нашей жизнью и потому сами стали источником вдохновения для бесчисленного количества произведений искусства.

Сказки меняются в зависимости от того, кто их рассказывает, – могут быть моральными и аморальными, страшными и смешными.

Актуальные версии сказок фиксируют состояние болевых точек цивилизации.

Наконец, сказки устремлены в будущее. И в этой книге я попытался понять, как эти сюжеты могут выглядеть завтра. А в том, что «Красная Шапочка» и другие сказки не покинут нас, даже если мы совсем перестанем читать, я совершенно уверен.

Эта книга продолжает работу, начатую мной на телеканале «Дождь» в проекте «Страшные сказки». Это название, как часто бывает, на телевидении появилось прежде, чем я окончательно понял, что пугать подноготной сказок я никого не хочу. Ну, то есть хочу не только пугать. Но и смешить, и удивлять. Должен сказать спасибо главе «Дождя» Наталье Синдеевой, которая, увидев мою первую попытку анализа сказочных сюжетов, предложила сделать цикл лекций в телеэфире. И спасибо продюсеру Александре Яковлевой, сделавшей все, чтобы лекции эти можно было не без удовольствия смотреть. Наконец, спасибо редактору этой книги Наталии Соломадиной, увидевшей выпуски нашего проекта и выступившей с инициативой написать книгу.

Так и вышло, что я пошел в лес за грибами, нашел вместо грибов золото, накопил целый таз, а одному до города было не дотащить. Совершенно сказочная история.

В книге 10 глав. Чтение не длинное, но я бы советовал вам (хотя кого интересуют советы авторов?) читать не торопясь.

Внимательно и без спешки разобраться в сказках – все равно что разобраться в самом себе.

Так что вы лучше присядьте.

Мы начинаем!

Дмитрий Макаров

Золушка

«Золушка» – это в первую очередь история стремительного взлета по социальной лестнице. Из чулана с мешком золы к ярко освещенным балльным залам королевского дворца. Кто не мечтает о таком? Кто не считает себя ущемленным, достойным лучшей доли? Кто не верит в судьбу, которая рано или поздно совершенно невероятным образом посрамит зло и расставит все по местам?

Вы скажете: «Точно не я». Что ж, охотно верю, но все же скажу: многие. И вы их наверняка знаете.

История стара как мир, и нет ничего удивительного в том, что сюжет сказки о Золушке впервые записан на древнегреческом языке, а речь в нем идет о Древнем Египте.

1

Страбон¹, современник Христа, рассказывает, что в середине VI века до нашей эры в Древнем Египте, которым тогда правил фараон Амасис II, жила прекрасная гречанка Родопис, похищенная пиратами и проданная в рабство. Плененный ее красотой, хозяин даровал девушке свободу, содержание и, среди прочего, драгоценные сандалии на золотой подошве.

«...во время купания [бог Гор в виде орла] похитил одну из сандалий Родопис и принёс в Мемфис; в то время, когда царь производил там суд на открытом воздухе, орёл, паря над его головой, бросил сандалию ему на колени. Царь же, изумлённый как прекрасной формой сандалии, так и странным происшествием, послал людей во все стороны на поиски женщины, которая носила эту сандалию. Когда её нашли в городе Навкратисе и привезли в Мемфис, она стала женой царя»...

Не часто на головы царей с неба падает дизайнерская обувь. А вот традиция поиска жены по всему царству известна хорошо. Другое дело, что романтически настроенным современным девушкам, решившим почитать Страбона, стоит помнить: жен у фараона могло быть много. Помимо «великой царской супруги», которой часто становилась сестра, было несколько второстепенных жен и десятки официальных наложниц. И все исправно рожали – например, у великого фараона Рамзеса II, который правил 67 лет, сменилось пять только главных жен, известно, что у него было не менее 100 детей. Представляете, сколько страниц в российском паспорте понадобилось бы счастливому отцу, чтобы всех их туда вписать?

Впрочем, бывали и исключения. Золушкой древнеегипетского мира можно назвать Тию, жену фараона-солнца Аменхотепа III, которая происходила из семьи провинциальной знати. Фараон женился по любви, и об этом свидетельствуют сохранившиеся свадебные жуки-скарабеи с надписью:

«Да живет Аменхотеп III, податель жизни, и Великая супруга царя Тия... Имя ее отца Юйя, имя ее матери Туйя, она супруга могущественного царя, южная граница владений которого – Карой, а северная граница – Нахарин».

Это – прямое требование считаться с высоким статусом царицы, а также тестя и тещи царя. Кстати, именно Тия родила Аменхотепа IV, ставшего царем-реформатором Эхнатомом². Тот тоже, видя пример отца, женился по любви. А уж его жену Нефертити знают все. Одно время копии ее бюста имелись чуть ли не в каждой интеллигентной советской квартире наравне с портретами Есенина и Маяковского.

Но, кстати, чтобы закончить с фараонами, добавлю: наличие любимой «золушки» Тии никак не означает, что других жен у Аменхотепа III не было. Сохранилось, например, такое предписание фараона одному из своих вассалов:

«Я посылаю к тебе моего чиновника, чтобы отобрать самых красивых женщин без каких-либо изъянов. Тогда царь, твой господин, скажет тебе: “Ты поступил хорошо”».

¹ Страбон (64/63 до н. э. – 23/24 н. э.) – древнегреческий географ и историк. Он был известен двумя большими сочинениями – «Историей» и «Географией», из которых первая утрачена, зато вторая сохранилась почти целиком и дает ясное представление о том, каким видели мир на заре современного летоисчисления.

² Эхнатон (умер около 1336 года до н. э.) – один из самых известных фараонов Древнего Египта. Под именем Аменхотепа IV он унаследовал власть, когда страна переживала экономический расцвет. На пятом году правления фараон ввел культ малоизвестного до того бога Атона, олицетворявшего диск солнца, и постепенно начал подвергать гонению культы традиционных богов – Амона, Тота, Осириса и других. В условиях нараставшего конфликта с жрецами и знатью принявший имя Эхнатон («исключительный для Атона») правитель вместе с семьей переехал в строившуюся столицу Ахетатон, ставшую на следующее десятилетие не только политическим и религиозным, но также и культурным центром страны. Важной приметой сформировавшегося в эти годы амарнского стиля стал реализм в изображении людей. Поэтому мы точно знаем, как хороша была царица Нефертити и как неказист ее царственный супруг. Культ Атона, новая столица и прочее наследие фараона-реформатора были забыты вскоре после его смерти, но с конца XIX века после систематических раскопок и удивительных открытий интерес к Эхнатону только растет.

Что до сказочной героини Родопис, то, вполне вероятно, она была реальным лицом. Геродот даже отождествлял ее с гетерой Дорихой, которой был увлечен богатый торговец лесбосскими винами Харакс, между прочим, брат поэтессы Сапфо. Он отправился по торговым делам в греческий город Навкратис в устье Нила и спустил на красавицу немалые деньги. Сапфо была так раздосадована поведением брата, что сочинила на эту тему злую эпиграмму.

«Лучшее найдется на белом свете.
Помыслы к иному направь...»

Однако, скорее всего, Геродот ошибался. Дориха не могла быть Родопис, поскольку ко времени фараона Амасиса и поэтессы, и ее брат должны были быть глубокими стариками. Но, надо полагать, что пленение гречанок, а после превращение их в гетер не было чем-то редким. И наверняка время от времени удачливые гетеры могли вырываться на другие социальные уровни.

Кстати, по совсем уже невероятной легенде, распространенной у греков, именно для Родопис была построена одна из трех великих пирамид в Гизе – пирамида Миккерена.

В общем, очевидно, что в нашей сказке смешались истории нескольких девушек со схожей непростой судьбой, а после уже появилось чудо в лице бога Гора и волшебная обувь, по которой можно отыскать красавицу. И дальше эти два элемента возникают в сотнях версий сказки, которые можно найти в десятках культур.

2

Самое известное литературное изложение принадлежит Шарлю Перро, который в 1697 году включил историю в свой знаменитый сборник «Сказок былых времен с поучениями». У Перро вышла неожиданно не кровожадная сказка. В ней впервые появляется имя Золушка (по-французски *Cendrillon*, от *Cendre* – зола, пепел), поскольку героиня отдыхает в свободное от рабского труда время на сундуке с золой.

Эта Золушка – дочь слабовольного дворянина от первого брака. Дворянин женился второй раз на женщине «надменной и гордой», которая привела в дом двух своих дочек, во всем походивших на нее. Эти девочки заняли место принцесс, тогда как кроткая и тихая Золушка стала в доме прислугой.

И дальше был бал, который у Перро занял два дня, а в других интерпретациях, например у братьев Гримм, – три дня. Крестная-фея превратила тыкву в карету, мышей в лошадей и, наказав покинуть бал до полуночи, дала Золушке роскошный наряд и туфельки...

Тут есть интересный момент. Мы привыкли к *хрустальным* туфелькам. Перро использует слово *verre* (стекло), у которого во французском языке есть омофон – *vair* (мех). Мех в XVII веке ценился на вес золота. Доставляли, кстати, лучшую пушнину из России, из Сибири (можно даже с поправкой на ветер времени сказать, что наша пушнина – это нефть Средневековья). *Verre* же – это стекло, которое в это время тоже было предметом роскоши и долго производилось только в Венеции, на острове Мурано.

Бальзак считал, что это ошибка, что не бывает стеклянной обуви и что со временем, после пересказываний и переписываний, туфелька превратилась из меховой в стеклянную. Анатоль Франс, наоборот, считал невозможность такой обуви непременным атрибутом сказки. «Они волшебные – и этим сказано все».

Кроме того, у стеклянных туфелек есть еще несколько характеристик – они твердые, их невозможно разносить, подстроиться под них, а еще они, как девственность, ведь их можно разбить только раз. Кроме того, сияние стекла – абсолютная противоположность золе, в которой ежедневно возится и ночует Золушка. Так что, даже если Перро и ошибся, получилось у него гениально.

В других версиях сказки, кстати, туфельки были и из золота, как у братьев Гримм, и из красного шелка с жемчугом, как в Китае. Стеклянные же туфельки встречаются в шотландской версии, где их девушке дарит волшебный черный барашек.

Возвращаясь к сказке Перро, стоит отметить, что она заканчивается очень миролюбиво. Золушка, став принцессой, прощает сестер и выдает их замуж за придворных.

3

Куда более садистская версия сказки – у братьев Гримм. Под названием «Замарашка» (*Aschenputtel*) она увидела свет в 1812 году. Гриммы начинают свой рассказ с того, что у одного богача умерла жена, которая на смертном одре наказала дочери быть доброй. И тогда Господь с неба присмотрит за девушкой, да и мама будет с того света помогать. Золушка берет на себя все заботы по дому, а также ежедневно ходит на могилу матери плакать. Так продолжается и когда отец снова женится, а мачеха приводит в дом собственных дочерей – «злых, но глупых».

Роль феи в этой сказке выполняет волшебный орех. Именно он несколько дней подряд снаряжает Золушку на бал. С орехом тоже все непросто. Папа едет на ярмарку и спрашивает у дочек: что вам, милые, привезти? Падчерицы просят новых нарядов (и кто их за это осудит?), а Золушка говорит: привези, папа, ветку, которая зацепится за твою шапку. Цепляется за шапку ветка орешника. Ее-то добрый папа, который традиционно, по собственной инициативе подарки делать не умеет, привозит родной дочери. Та ветку сажает на могиле матери, удобряет ее слезами, орех приживается, растет и начинает творить чудеса:

«Золушка трижды в день приходила к дереву, плакала и молилась; и каждый раз прилетала на дерево белая птичка. И когда Золушка высказывала какое-нибудь желание, птичка сбрасывала ей то, о чём она просила».

Мачеха и сестры в версии братьев Гримм – садистки. Они не просто заставляют Золушку делать грязную работу, а намеренно смешивают чечевицу с золой и заставляют перебирать. На помощь несчастной приходят опять же птицы:

«Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, скорей ко мне летите, чечевицу выбрать помогите»!

Когда король объявляет трехдневный бал, на который, конечно, Золушка может отправиться, только выполнив неприятные задания, волшебный орех снаряжает девушку, одевая ее «в злато-серебро». Золотые туфельки, кстати, дерево дарит только на заключительный день праздника.

Три дня принц танцует только с Золушкой, влюбляется, но девушка всякий раз убегает от него. Тогда принц идет на хитрость – ступени во дворце смазывают смолой, в ней туфелька – золотая – и увязает.

Поиски Золушки превращаются в классический хоррор: сестры, чтобы надеть драгоценную туфельку отрезают себе: одна – палец, другая – пятку. Принц уже даже забирает такую отредактированную невесту во дворец, но птички поют, что ее туфелька вся в крови.

Птицы же украшают и великолепный страшный финал сказки:

«Когда свадебное шествие отправилось в церковь, старшая оказалась по правую руку от невесты, а младшая по левую; и выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, шла старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них ещё по глазу»...

А сама Золушка была и осталась доброй, как и наказывала ей мать.

4

В 1817 году композитор Джоаккино Россини на волне успеха «Севильского цирюльника» пишет еще одну комическую оперу – она называется «Золушка, или Торжество добродетели». Пишет, как всегда, очень быстро, всего за 24 дня.

Опера – особый жанр. Здесь все детали должны быть говорящими. И желательно, проговариваться (то есть пропеваться, конечно), неоднократно. Золушку в опере по-ангельски зовут Анджелиной. И она не дочь, а падчерица «великолепного» дона Маньифико. XIX век требовал все больше реализма. До появления чахоточных проституток на сцене было еще далеко, но публика справедливо недоумевала, почему родную дочь отец любит и балует меньше, чем приемных. Так Россини и его либреттист Ферретти добавили сюжету правдоподобия.

Второе отличие – поиски жены для принца Рамиро. С них-то все и начинается. Эти поиски самой красивой девушки в королевстве становятся поводом ко всей истории. Причем авторы разыгрывают классическую комедию ошибок: принц хочет истинной любви, поэтому притворяется камердинером, камердинер – принцем, а философ и наставник принца – нищим.

В духе нового века Россини и Ферретти удаляют из своего сюжета чудо. Его заменяет магия искренности, доброты, подлинного чувства. Эта Золушка сама отказывается ехать на бал, остается дома и занимается уборкой. Ее уговаривает учитель принца Алидоро, тот самый, что в начале оперы предстает нищим. Сестры хотят его выгнать, но Анджелина усаживает за стол и подносит угощение. Алидоро переодевает девушку в знатную даму. И это еще одно напоминание о том, что новое платье и прическа могут творить подлинные чудеса.

Да, эта Золушка притворяется знатной дамой, но и принц притворяется камердинером в собственном дворце. Так авторы подчеркивают благородство героини, которая считает, что не достойна даже камердинера. Не то что принца. А роль туфельек в опере играют браслеты. То есть практически наручники! Признавшись в ответном чувстве принцу, которого принимает за камердинера, Анджелина снимает с руки один из двух одинаковых браслетов и дарит его юноше. По нему-то принц в последней сцене и узнает возлюбленную.

Кстати, здесь стоит на минутку вернуться в Древний Египет, который после наполеоновских походов в Европе был в необычайной моде. Мы не знаем, были ли в Египте свадебные обряды или сразу после заключения брачного договора невеста с приданым переезжала в дом жениха. Одной из немногих древнеегипетских свадебных традиций, дошедшей до нас, был иногда практиковавшийся обмен браслетами, позже замененный на обмен кольцами из самого дорогого и редкого металла того времени – железа.

Опера Россини – комическая. На словах все довольно серьезно, но сама музыка подтрунивает над героями, над желанием девушек выйти замуж за принца, каким бы он ни был, над манией папы выдать за какого угодно принца любую из дочек, лишь бы получить ключ от роскошного винного погреба дворца. Но главное, меняется наша героиня, которую все еще идентифицируют по браслету, но все же проверяют на соответствие статусу принцессы не по внешним данным, а по благородству и бескорыстию.

5

В годы Великой Отечественной Войны Сергей Прокофьев пишет свои главные произведения – оперу «Война и мир», Пятую симфонию, музыку к шедевру Эйзенштейна «Иван Грозный» и... балет «Золушка» на сказочное либретто Николая Волкова. Музыка написана в 1944 и в 1945 году спектакль поставлен сперва в Большом, а после и в Кировском (Мариинском) театре.

У Большого с этим сюжетом – давние отношения. Достаточно напомнить, что прочно забытым балетом «Сандрильона» (то есть «Золушка», от фр. *Cendrillone*) испанца Фернандо Сора наш прославленный театр и открылся 6 июня 1825 года.

Прокофьев, отличавшийся, по выражению Шостаковича, «поразительной дисциплиной труда», мог работать сразу над несколькими, очень разными сочинениями. Возможно, создавая «Золушку» одновременно с трагической Пятой симфонией, композитор отдыхал или справедливо полагал, что война окончится и людям захочется сказок. В трудное и голодное послевоенное время чистая красота неоклассического балета, лишенного какого-либо намека на актуальность или современность, оказалась очень востребованной.

Золушку танцевали выдающиеся артистки, в Москве – Ольга Лепешинская, Раиса Стручкова, в Ленинграде – Наталья Дудинская, но Золушкой Золушек стала, конечно, Галина Уланова. Увидев Уланову в этой роли в декабре 1945 года, поэт Борис Пастернак написал балерине письмо:

«...Я особенно рад, что видел Вас в роли, которая наряду со многими другими образами мирового вымысла выражает чудесную и победительную силу детской, покорной обстоятельству и верной себе чистоты... Мне та сила дорога в её угрожающей противоположности той, тоже вековой, лживой и трусливой, низкопоклонной придворной стихии, нынешних форм которой я не люблю до сумасшествия...»

В конце 1945 года еще очень хотелось верить, что Победа, доставшаяся такой дорогой ценой, непременно принесет послабление режима, отмену репрессий, пересмотр несправедливых приговоров. Перед войной многие друзья и родственники авторов «Золушки» пострадали от сталинского режима. Ближайший друг либреттиста Николая Волкова Всеволод Мейерхольд был расстрелян в 1940 году, а сам Волков несколько лет жил с собранным чемоданом в ожидании ареста.

Как писал композитор: «Основное, что мне хотелось передать в музыке “Золушки”, – зарождение и расцвет чувства, препятствия на его пути, осуществление мечты». Мечты и надежды не сбылись, эпоха стала сперва снова жуткой, а после кислой, только музыка Прокофьева – чистое вещество сказки – победила время и продолжает жить.

Потому что его «Золушка» – о противостоянии внутреннего – внешнему, подлинного – фальшивому, каким бы соблазнительно прекрасным оно ни казалось. Поэтому, наверное, так трудно ставить на эту музыку балет. Она среди хореографов считается едва ли не заколдованной. Помпезную версию хореографа Захарова, для которой против воли Прокофьева была сделана более «жирная» оркестровка, версию, которую в «Правде» назвали триумфом, спасал именно талант танцовщиц – Улановой, Лепешинской, Стручковой, и она быстро сошла со сцены. Классической стала ленинградская версия Константина Сергеева, в которой и к музыке Прокофьева было проявлено уважение, и, что важно, все было сказано языком танца. Нельзя не вспомнить и постановки Фредерика Эштона (1946), Олега Виноградова (1964), Алексея Ратманского (2002). Но, кажется, намного чаще гениальная музыка Прокофьева, целиком или порезанная на отдельные вальсы, исполняется в концертных программах.

А наш первый балетный невозвращенец Рудольф Нуреев в своей парижской постановке «Золушки» перенес действие в эпоху Золотого века Голливуда, где фоном стала неправдопо-

добная глянцевая красота кинематографа с его грязным закулисным и вечными интригами. Золушка здесь – начинающая актриса, принц – кинозвезда, а фея – всемогущий продюсер, эдакий Пигмалион, превращающий симпатичных девушек в кинобогинь.

В истории балета для многих такой «феей» стал Сергей Дягилев. Его черты в персонаже нуреевского балета тоже угадываются, хотя Рудольф Нуреев, конечно, не был и не мог быть дягилевской «Золушкой». Он всегда подчеркивал, что его балет отчасти автобиографичен. И правда, человек, родившийся в поезде между Иркутском и Слюдянкой, вознесшийся на вершину мирового балета, вполне мог бы сказать: «Золушка – это я». Правда, он же был в своей сказке и принцем, и феей.

6

Кинематограф к теме «Золушки» обращался неоднократно и с самых первых дней – Жорж Мельес снял свою версию уже в 1899 году. А Мэри Пикфорд сыграла Золушку в 1914-м.

Для нашего же зрителя важнее всего фильм Михаила Шапиро и Надежды Кошеверовой по сценарию Евгения Шварца, вышедший на экраны в 1947 году. Золушку в нем сыграла Янина Жеймо, миниатюрная актриса ростом 147 сантиметров с 31-м размером ноги. Новой Золушке было во время съемок 37 лет. То есть она была всего на 6 лет младше Василия Меркурьева, сыгравшего Лесничего, отца Золушки. Чтобы скрыть возраст, все сцены с участием актрисы снимались вечером, когда лицо выглядело свежее.

Видимо, создатели картины, как и авторы балета, хотели предложить публике после войны красивую, добрую сказку. Хотя вопрос, кому именно пришлось в голову обратиться к этому сюжету, остается дискуссионным. Николай Акимов, ставший художником картины, называл генератором идеи себя, а режиссер Надежда Кошеверова в воспоминаниях утверждала: «Возвращаясь из эвакуации, я встретила в Москве Жеймо. Она сидела в уголке – такая маленькая, растерянная... Я взглянула на нее и неожиданно предложила: “Яничка, вы должны сыграть Золушку...” – Мы тут же отправились к Помещикову, который заведовал тогда Спецнарным отделом в Комитете кинематографии. Он только спросил: “А кто напишет сценарий?” И я, не задумываясь, выпалила: “Шварц”. Разумеется, никакой предварительной договоренности с Евгением Львовичем у меня не было, но, узнав о замысле, он тоже им загорелся. Сценарий писался специально для Жеймо».

Сказку хотели снимать в цвете, но трофейную пленку AGFA отдали братьям Васильевым на их «Пиковую даму». Цветная, колоризованная версия «Золушки» появилась в 2009 году благодаря «Первому каналу» и стала, пожалуй, единственным опытом в этой области, который не был раскритикован.

В фильме много внимания уделено мачехе. Это случилось впервые. Мало снимавшаяся в кино Фаина Раневская полностью отдалась роли и сыграла свою мачеху не как средневековую злодейку-садистку, а как какую-нибудь продавщицу из стола заказов или завуча в средней школе. Этот образ со всеми его мемами – «Крошки мои, за мной», «Королевство маловато, разгуляться негде», «Какое сказочное свинство» – запомнился едва ли не больше главной героини. Думаю, вы не раз встречали таких людей.

Сама же киносказка заканчивается противоречиво. С одной стороны, почти коммунистическими грезами. Король мечтает, что вот подрастет его внучка, дочка Золушки, и он с радостью выдаст ее за мальчика-пажа. А с другой стороны, совершенно антисоветской моралью: «Связи связями, но надо и совесть иметь, никакие связи не сделают ножку маленькой, а душу большой...»

7

Во второй половине XX века появляется множество анекдотов про Золушку, которая, как известно, не хотела принца, а просила выходной и новое платье, а после еще раз доказала, что хорошие туфли могут изменить судьбу.

Много шутили на тему того, что Золушка после свадьбы свела мужа с ума своей манией чистоты. Был также популярен анекдот про пьяную Золушку, которая звонит фее и говорит: «Дорогая крестная, пропустила (обычно здесь используют другой, увы, непечатный глагол) полночь, сижу в тыкве, бухаю с крысами».

Вообще само слово «Золушка» поистаскалось. Дошло до того, что так называют любую девушку, которая выгодно вышла замуж. Не обязательно даже за принца, а просто за человека высокого социального положения.

«Золушками» называют почти всех жен принцев крови – от принцессы Дианы до Кейт Миддлтон. Поскольку они теперь, как правило, не только не аристократки, а могут быть, например, как Меган Маркл. Та, напомним, разведенная, мулатка, американка, которая к тому же старше своего мужа, принца Гарри. Меган еще и спровоцировала скандал «Мегзит», вдохновив супруга сложить с себя полномочия старшего члена королевской семьи, став Золушкой наоборот. Говорят, будут жить в Канаде, на работу ходить... Полвека назад это было абсолютно невозможно – вспомните хотя бы, как разрушилась личная жизнь родной сестры королевы Елизаветы, которой не разрешили выйти замуж по любви.

Условная Золушка может уже не только не быть чистой юной девушкой, а может даже быть проституткой, как героиня Джулии Робертс в «Красотке».

8

Здесь возникает вопрос: что все-таки должно быть в сюжете, чтобы его можно было назвать еще одной историей о Золушке? Фея? Драгоценная туфелька? Тыква и крысы? Они – спроси любого на улице – ассоциируются обычно именно с «Золушкой». Но все эти ингредиенты можно в наш суп не класть, а он все равно сварится правильно.

Так что же тогда?

Конечно, как и три тысячи лет назад, должен случиться социальный взлет из кучи золы с мягким приземлением в постели принца.

Принц при этом в принципе может быть кем угодно и каким угодно. Он может быть женщиной. А почему нет? Скажем, безумно красивый, снятый в эстетике 50-х годов фильм «Кэрол» (2017) с Кейт Бланшетт и Руни Марой – тоже отчасти история Золушки. Там, напомним, речь идет о романе светской львицы, зрелой красавицы, с девушкой, которая работает продавщицей в универмаге, и любовь эта помогает второй не только найти партнера для жизни и попасть в высокие слои атмосферы, но и обрести себя, став успешной фотокорреспонденткой. Может ли Золушкой быть парень? А вот это вопрос. Я думаю, что да. Может ли Золушка быть старше принца? Тоже да. Сказки меняются, как меняются люди, которые их рассказывают. Так что, как только сексизм, эйджизм, гомофобия станут даже в нашем обществе чем-то вроде редких зверей, которых показывают в зоопарках, многие классические сюжеты будут пересмотрены. Для нашей сказки важно, что у принца, кем бы он ни был, должен быть довольно агрессивный, навязчивый избыток предложения, а он будет хотеть сделать свой выбор самостоятельно. Выбрать из другого списка.

Но руководствуясь чем? Предметом из хрусталя или золота? Нет, тем, что эти предметы в старых версиях сказки символизировали. Дело в том, что Золушка не может взлетать любой ценой, она не предпринимает экстраординарных усилий, у нее нет амбиций, она хранит свою чистоту, благородство и прочие достоинства, которые и не дают ей утонуть в самой непролазной грязи, а по закону духовной физики сами поднимают ее в верхние слои социума. Золушка может быть поэтому даже мужчиной, а роль феи может с успехом исполнить счастливый случай. При этом хорош ли принц, счастлива ли с ним после свадьбы Золушка – вопросы из другой сказки. Важно, что она пробилась и сохранила себя. Обнята и принята, защищена высоким статусом или деньгами, оставшись при этом белой и пушистой.

Дальше – целая жизнь, другие заботы и испытания. В момент, когда ее выбирает принц, Золушка Золушкой быть перестает.

Красная Шапочка

На воображаемой книжной полке «Красная Шапочка» стоит где-то рядом с «Курочкой Рябой» и кажется безобидной детской сказкой, ужасно милой, жутко невинной. Как правило, взрослые снова обращают на нее внимание, когда сами становятся родителями. Тут-то и оказывается, что в детстве они читали что-то не то.

1

Вот краткая история Красной Шапочки, девочки, которая не послушалась маму, отправилась к бабушке через лес длинной дорогой, повстречала волка, выдала тому секретные сведения (где живет старушка), что едва не стоило бабушке, да и самой девочке, жизни. Волк проглотил обеих, но мимо шли добрые дровосеки, которые вспороли волку брюхо и женщин спасли.

Думаю, примерно так эту историю перескажет любой, кого вы об этом попросите.

Предполагают, что сказка родилась в лесистых предгорьях Альп, в Южном Тироле, не позднее XIV века. Это было время, когда в Европе было еще мало дорог, на дорогах этих было полно разбойников, а леса кишмя кишели дикими зверями. Мир, таивший опасности, часто начинался сразу позади деревни, за оврагом.

Не случайно народный сюжет, который лег в основу сказки, – это, в общем-то, страшилка. В ней оборотень, а вовсе не волк, готовит из тела бабушки еду, а из крови – питье (такая жутковатая пародия на христианское причастие: ешьте хлеб – это плоть моя, пейте вино – это кровь моя) и предлагает внучке всем этим полакомиться.

Кошка³, вечная спутница женщины, пытается предупредить девочку, но волк, переодевшийся в бабушкину одежду, убивает кошку тяжелым деревянным башмаком. Прикинувшийся бабушкой, он возлежит на постели, оттуда предлагая девочке раздеться и лечь с ним. Тут-то девочка и спрашивает:

– Почему у тебя такие большие зубы?

– А это чтобы съест тебя! – говорит волк.

И съедает. На этом сказка заканчивается. Спите крепко, дорогие детки. Дровосеки не придут.

Сегодня встретить волка в Италии или во Франции практически невозможно. Разве что это будет волк, почему-то решивший сбежать из национального парка и начать охотиться на упитанных подвыпивших туристов. В эпоху же Высокого Средневековья⁴ те же волки буквально жили рядом с людьми, а в голодные годы наведывались и в деревни в надежде слопать замечтавшуюся курицу. Крестьяне, конечно, тоже жили не богато. Раз в 7–8 лет бывал настоящий голод, тогда приходилось есть кору и траву, но и в тучные годы рацион жителя деревни был скромным: овощи, хлеб, молодой сыр, яйца. Курицу готовили на праздник и только в богатых семьях. Деревня была микрокосмосом, в целом неизменным на протяжении столетий и далеким от исторических бурь. Здесь веками обеспечивали себя продуктами, сами шили одежду и делали деревянную обувь, женили своих детей на соседских. И крайне редко выбирались за ограду. Ведь из-за ограды не ждали ничего хорошего: волки, враги, природные катаклизмы – все это было едино. И «Красная Шапочка», конечно, хранит в себе этот страх перед неизведанным миром, от которого большинству так хочется отгородиться, но куда так часто тянет детей и любопытное меньшинство. И те и другие часто получают за свое любопытство по носу.

³ О кошке, ее роли в средневековой истории и сказочных сюжетах – читайте в главе «Кот в сапогах».

⁴ Высокое Средневековье – период в истории Европы, приблизительно XI–XIV века.

2

Шарль Перро⁵, записавший свою версию для сборника «Сказки былых времен с поучениями», был человеком государственным и мыслил соответствующе. Будучи правой рукой министра финансов Кольбера, при Людовике XIV он годами определял культурную политику страны. И хотя к 1697 году он был уже в опале и на пенсии, образ мыслей Перро не изменил. Сборник из восьми сказок он выпустил под именем своего сына Пьера Д'Арманкура (и для его блага). Это было подношение принцессе Орлеанской, нечто вроде портфолио, благодаря которому можно было получить теплое место при дворе. Сам Перро, академик, автор трагедий и трактатов, не мог рисковать репутацией серьезного автора. Впрочем, об авторстве сразу же не было никаких вопросов⁶.

Шарль Перро рассказал сказку по-своему. Прежде всего он сделал героиню Красной Шапочкой. По-французски она зовется «Шаперон Руж». Этим шапероном (немодным уже в конце XVII века головным убором, соединенным с накидкой) он сразу указал, что девочка из провинции, из деревни.

Перро преподносит историю девочки, скорее, как басню. Он убирает из нее намеки на каннибализм, но заканчивает сюжет все равно трагически. Для Перро в книге самое главное – то, что потом за многочисленными пересказами забудется и потеряется, – те самые «поучения», вынесенные в заглавие книги.

Вот и «Красная Шапочка» у бывшего королевского чиновника (хотя бывают ли они бывшими?), пенсионера Перро заканчивается пуританским моралитэ. В стихах:

*Детишкам маленьким не без причин
(А уж особенно девицам,
красавицам и баловницам),
В пути встречая всяческих мужчин,
Нельзя речей коварных слушать, —
Иначе волк их может скушать.
Сказал я: волк! Волков не счесть,
Но между ними есть иные
Плуты, настолько продувные,
Что, сладко источая лесть,
Девичью охраняют честь,
Сопутствуют до дома их прогулкам,
Проводят их бай-бай по темным закоулкам...
Но волк, увы, чем кажется скромней,
Тем он всегда лукавей и страшней!*

⁵ Шарль Перро (1628–1703) для современников был в первую очередь государственным деятелем. Да, он писал, но кто из образованных людей тогда не писал? Гораздо важнее, что в 1663 году Перро стал секретарем только что основанной Королевской Академии надписей и медалей (сейчас – Академия надписей и изящной словесности), в 1671 году – членом Французской Академии. Ему покровительствовал могущественный министр финансов Жан-Батист Кольбер, чье влияние распространялось на все сферы жизни. Надписям на медалях и монументах министр придавал огромное значение, так как они «живут дольше, чем книги и картины».

⁶ Уже в XX веке были попытки доказать, что автором сборника сказок был все-таки Перро-младший, но современные исследователи считают их несостоятельными.

Иными словами, в этой версии сказки на первое место выводится сексуальный подтекст. «Красная Шапочка» становится прежде всего историей про взаимоотношения полов. Девочка нарушила приличия! А ведь мама ее предупреждала:

«Волк – это страшный зверь. Он рыщет в темном лесу и ищет маленьких девочек, которые не ходят короткой дорогой».

Иными словами, девочка вступила в контакт с незнакомым мужчиной и за это была наказана. Не случайно ли во французском языке есть выражение “*Elle avait vû le loup*” («Она увидела волка»)? Так говорят о девушке, потерявшей невинность.

3

В 1812 году сказка про Красную Шапочку появилась на немецком языке в знаменитом сборнике братьев Гримм. По-немецки она называлась «Роткэпхен» – «красный колпачок».

Главное, что добавили к сюжету Гриммы, – это хороший конец. В сказке появился так удачно проходивший мимо охотник, услышавший храп сытно пообедавшего внучкой и бабушкой волка. Охотник хотел просто пристрелить волка, но подумал, а вдруг еще можно спасти тех, кого он проглотил, и, взяв ножницы, вспорол зверю брюхо. Спасенная Красная Шапочка, вот умница, придумала свою месть – натаскала камней потяжелее, набила ими брюхо волка и аккуратно зашила. Рукодельница. Очнувшийся только после всех этих операций серый хотел удрать, но под тяжестью камней упал на землю и умер.

В дальнейшем, пересказывая сказку о Красной Шапочке, литераторы и кинематографисты будут скрещивать версии Перро и Гриммов.

Действительно важно, что Гриммы убрали моралитэ, которое было у Перро, и тема секса вроде бы ушла на второй план. Зато простую и ясную мораль авторы вложили в уста самой Красной Шапочки.

Ведь героиня в немецкой версии нарушает волю старшего, то есть матери, «ступать умненько и в сторону от дороги не забегать». Это и есть ее проступок. Вот и выходит, что французская «Красная Шапочка» – про секс, а немецкая – про «орднунг» (нем. *Die Ordnung* – «порядок»).

«Ну, уж теперь я никогда не стану в лесу убегать в сторону от большой дороги, не слушаюсь больше матушкиного приказания», – говорит девочка.

Здесь нужно несколько слов добавить о пресловутом Орднунге. Слово это стоит писать с большой буквы, потому что это не просто порядок, упорядоченность, дисциплина, подчинение правилам – это основа основ немецкой культуры, воспетая поэтами и высмеянная в анекдотах. Пословица *Ordnung muss sein* (то есть «Порядок превыше всего» или просто «Должен быть порядок») не сходила с языка короля-музыканта Фридриха Великого, а позже – назначившего Гитлера рейхсканцлером Пауля фон Гинденбурга. Впрочем, уже в сборнике немецких пословиц и поговорок, вышедшем во Франкфурте в 1846 году, есть такая версия: *“Ordnung muss sein, sagte Hans, da brachten sie ihn in das Spinnhaus”* («Порядок превыше всего, сказал Ганс, и его тут же упекли в психушку»).

4

В результате бесчисленных обработок и переработок, а сказку переписывали и переделывали многие писатели (в России, например, популярностью пользовался пересказ Ивана Сергеевича Тургенева, сделанный в 1866 году)⁷, «Красная Шапочка» стала всемирной и прочно вошла во все культуры. С этого момента художники всего мира принялись наперебой иллюстрировать сказку – кто-то сосредоточился на главной героине, кого-то больше волновали сцены с бабушкой или охотниками.

Одним из первых, в 1867 году, был гравёр Гюстав Доре. Вы, конечно, помните его иллюстрации – они входили в детское издание адаптированных сказок Шарля Перро. Для одной из лучших гравюр Доре безошибочно выбрал самый острый момент в сказке – когда девочка уже почти легла в бабушкину кровать и испуганно вглядывается в то, что ее там ждет. Надо сказать, что волк, переодетый бабушкой, у Доре и правда похож на бабушку. Строгую такую бабюлю с очень «большими глазками», которая почему-то зазывает внучку к себе в кровать.

Прекрасны иллюстрации английского графика Уолтера Крейна (1870), у которого Красная Шапочка – тинейджер на выданье, а волк – похотливый джентльмен средних лет, одетый в сюртук из овечьей шкуры. Длинный язык волка высунут, желтый масляный глаз блестит, левая лапа попирает нежные цветы (символ невинности). Вдали, в глубине леса, Крейн изобразил диалог дровосеков, которые не только рубят дрова, но с интересом и возмущением поглядывают на диалог Шапочки с господином волком.

У главного детского иллюстратора Германии Карла Офтендингера (1890) получилась Красная Шапочка с телом ребенка и головой куртизанки с баварского фарфорового сервиза. А у моего любимого британца Артура Рэкема (1909) – крошечная Красная Шапочка и голодный облезлый волк – лишь повод показать первобытный ужас леса с узловатыми деревьями-великанами.

У ирландского мастера Гарри Кларка (1923) лес, напротив, выдержан в нежных пастельных тонах, все линии вытянуты, Красная Шапочка болезненно бледна. И, кажется, клянусь, ее хочет съесть не волк, а... волчица. Или вовсе – чернобурая лиса с пушистым хвостом, которая лукаво смотрит прямо на зрителя глазом цвета бомбейского сапфира.

В нашей стране в акварельной технике проиллюстрировал сказку советский график Борис Дехтерёв (1977), а в 1980 году в соавторстве с Олегом Васильевым – один из самых дорогих отечественных художников Эрик Булатов. Что ж, пожалуй, это самая застенчивая Красная Шапочка в истории.

Если говорить о живописи, то, несомненно, заслуживают внимания работы шведского классика Карла Ларссона (1881), у которого героиня как будто приглашает, заманивает волка в чащу, и швейцарца Альберта Анкера (1883), чья Шапочка еще не встретила волка, а только вышла из дому и как будто смотрит вперед, прозревая грядущие опасности пути под названием Жизнь.

⁷ По другим данным, в 1867-м. Текст Ивана Тургенева начинается так: «Жила-была в одной деревушке девочка красоты невиданной: мать от нее без ума была, а бабушка совсем на ней помешалась. Эта добрая старушка купила ей красную шапочку, которая так девочке к лицу пристала, что от шапочки ей и кличка пошла, и везде звали ее Красною Шапочкою...»

5

Любопытно, что первая фотография по мотивам «Красной Шапочки» была сделана даже раньше, чем первые иллюстрации, – самим Льюисом Кэрроллом, который был не только писателем и математиком, но также и одним из пионеров фотографии. Было это в 1857 году. На снимке изображена восьмилетняя племянница его друга, поэта Альфреда Теннисона, Агнес Грейс Уэлд. Девочка как будто напугана, она вжалась в увитую плющом изгородь, а сам снимок сделан примерно с высоты взгляда серого волка. То есть Кэрролл предлагает нам с вами посмотреть на девочку как на добычу. Однако если вы приглядитесь к снимку внимательно, то у вас может возникнуть другое ощущение, что девочка сама свирепо смотрит на волка и представляет для него опасность. Так что зритель еще должен подумать, кто тут хищник и с кем ему себя ассоциировать.

В 1923 году было впервые опубликовано стихотворение Кэрролла, которое он написал в качестве сопровождения к выставке своих фотографий на тему «Красной Шапочки» еще в 1858 году. Позволю предложить вашему вниманию собственный перевод:

*Into the wood – the dark, dark wood —
Forth went the happy child;
And, in its stillest solitude,
Talked to herself, and smiled;
And closer drew the scarlet Hood
About her ringlets wild.
And now at last she threads the maze,
And now she need not fear;
Frowning, she meets the sudden blaze
Of moonlight falling clear;
Nor trembles she, nor turns, nor stays,
Although the Wolf be near*

*В темный-претемный лес —
Счастливое вышло дитя,
Что-то себе напевая под нос,
С собой в тишине говоря,
Потуже алый платок повязав
Поверх непокорных волос.
Ну все, пора – сквозь чащу, в путь,
Бояться пора перестать,
Собравшись, она на тропу
Выходит под звездопад.
Ни дрожи, ни мысли назад повернуть,
Хоть волк где-то тут, говорят⁸.*

Возможно, Кэрроллу и хотелось передать в фотографии ощущение первого шага девочки, момент, когда она решается пуститься в опасное путешествие, но все же есть ощущение, что фотография помимо воли автора получилась интереснее и глубже его же стихотворения.

⁸ Перевод Д. Макарова.

Сегодня все чаще слышны обвинения в педофилии в адрес Льюиса Кэрролла, чьей музой одно время была семилетняя Элис Лиддел, которую писатель много фотографировал и вывел в своем бессмертном сочинении «Алиса в Стране чудес» (1865).

Кэрролл фотографировал юных особ и обнаженными, а после писал им нежные письма: «Мы помним друг о друге и испытываем друг к другу трепетную привязанность». Однако же это было так давно, что некому рассказать, как обстояло дело. Может, оно и к лучшему, но фотографии Кэрролла этого периода не всеми сегодня воспринимаются однозначно.

Что до Агнес, то для женщины в викторианской Англии она прожила весьма интересную жизнь. Заболев в 17 лет тяжелой анорексией и находясь на грани истощения и смерти, она тем не менее выжила и поправилась, став со временем популярным публицистом. Агнес написала несколько книг о Теннисоне, занималась благотворительностью и была одной из первых фотомоделей в истории, позировавшей в юности не только Кэрроллу, но и Оскару Рейландеру⁹ и Джулии Маргарет Камерон¹⁰. Замуж, правда, религиозная девушка так и не вышла.

⁹ Оскар Густав Рейландер (1813–1875) – один из пионеров художественной фотографии и фотомонтажа, изобретатель комбинированной печати с нескольких негативов (1855). Рейландер спорил с друзьями, может ли фотография соперничать с шедеврами Рафаэля (тогда – главного гения всех времен и народов), и создавал жанровые фотографии-реконструкции. На огромной для того времени (почти 80 на 40 см) фотокартине «Два пути жизни» (1857) – мудрый отец (сам Рейландер) показывает двум сыновьям аллегории пороков и добродетелей. Композиционно эта работа, составленная из 32 негативов, отсылает нас к фреске Рафаэля «Афинская школа».

¹⁰ Джулия Маргарет Камерон (1815–1879) – двоюродная бабушка Вирджинии Вулф, начала заниматься фотографией в 1863 году. Занятие это стало для страдавшей приступами депрессии женщины душевным лекарством и смыслом жизни. Камерон фотографировала всего 11 лет, создав галерею психологических портретов великих людей викторианской эпохи – Альфреда Теннисона, Генри Лонгфелло, Чарльза Дарвина, Томаса Карлейля и многих других.

6

Разумеется, сказка про «Красную Шапочку» не могла не породить обилие анимационных фильмов. Как классических экранизаций (например, советская черно-белая версия сестер Брумберг вышла в 1937 году), так и отчаянно смелых экспериментов.

В 1943 году на студии MGM режиссер Текс Эвери снял феерический анимационный фильм «Классная Красная Шапочка» (Red Hot Riding Hood), где герои отказываются участвовать в скучном пыльном представлении. Тогда автор говорит «ок» и переносит всех в современный мегаполис. Куда там дремучему лесу вокруг безвестной деревеньки до каменных джунглей большого города! В новых реалиях волк становится гангстером-ловеласом, бабуля – голодной до мужских ласк светской дамой, а Красная Шапочка – певичкой в ночном кабаре. Не сумев заполучить Шапочку, волк чуть не пропадает в объятиях ее бабули и, в итоге, с криками «Да сдались мне эти бабы!» кончает с собой. Однако и призрак волка продолжает сходить с ума по женским ножкам. Этот коротенький фильм (всего 7 минут), который полюбился многим критикам и историкам анимации, цитируют такие знаменитые картины, как «Маска» (1994) и «Кто подставил кролика Роджера» (1988).

А в 1958 году в СССР вышел анимационный фильм «Петя и Красная Шапочка». Пионер Петя попадает в сказку, где, видя несправедливость, вступает за женщин и спасает их от волка. Когда зверь, проглотивший «удивительно невкусную старушку» (а на самом деле мешок старья), уже лежит в кровати в ожидании аппетитной внучки, пионер Петя Иванов переодевается в девочку, причем красный пионерский платок становится косынкой (то есть красной шапочкой). Надо видеть, как манерно юноша ступает по комнате. Иными словами, в этой версии сказки для нас разыгрывается не одно, как в классическом варианте, а целых два травести-шоу.

В 1990 году еще дальше пошел режиссер Гарри Бардин. В его пластилиновом мюзикле «Серый волк энд Красная Шапочка» девочка отправляется из Москвы в Париж, где, какой сюрприз, живет ее бабушка Тереза. Мама и дочка вместе пекут для старушки пирог, причем мама не скупится на тумачи и оплеухи – так, просто, в воспитательных целях, для укрепления традиционной семьи. По пути Шапочка встречает только что откинувшегося волка-уголовника, который уже успел съесть доктора Айболита, на свою беду вставившего тому железные зубы вместо родных, удаленных по приговору. Начинается преследование. За время своего вояжа волк, гениально озвученный Арменом Джигарханяном, успевает слопать трех поросят и семь гномов, крокодила Гену и Чебурашку и, наконец, бабушку, живущую в домике у подножия Эйфелевой башни. Проглоченные томятся у волка-пахана в брюхе как в заключении, так что в какой-то момент весь фильм воспринимается как метафора ненасытной родины-уголовницы, которая поедает своих детей. Причем делает это не только дома: мол, если надо, могу протянуть свои железные зубы до какой угодно заграницы.

Что ж, в итоге пирог, докатившийся с Шапочкой до города Парижа, окаменел, поэтому волк буквально обломал об него зубы. А к этому времени в заточении его брюха родилось сказочное освободительное движение. Такой вот оптимист Гарри Бардин!

Что до кинематографа, то что только не происходило там с Красной Шапочкой. Разумеется, режиссеры часто использовали макабрическую или эротическую составляющую сказки. И конечно, фантазировали, что может произойти после счастливого спасения. Так, в фильме «Последняя из Красных Шапочек» (1996) героиню в исполнении Эммануэль Беар хочет прикончить ее родная бабуля, сама когда-то бывшая Красной Шапочкой¹¹.

¹¹ В лекциях самарского фольклориста Софьи Агранович, которые вы легко найдете в Ютубе, есть интересное умозаключение. Передам своими словами: когда волк ест Красную Шапочку, он одет как бабушка, но и внутри у него – бабушка.

Зритель, выросший в советские восьмидесятые, едва ли забудет музыкальный фильм «Про Красную Шапочку» (1977). А уж песню «Здравствуй, горы вот такой вышины...» знают даже те, кто картину Леонида Нечаева в глаза не видел. Пожалуй, это единственная версия, где волкам уделено так много внимания. Родственники того самого, убитого некогда охотниками волка, пытаются мстить, но оказываются едва ли не лучше людей и не только не убивают Шапочку, а напротив – неоднократно ее спасают. Причем волки в исполнении Владимира Басова, Николая Трофимова и Галины Волчек даже не загримированы под волков – это еще один прозрачный намек на то, что грань между племенем волков и людей (то есть между разными расами, народами и пр.) часто надумана.

Из последних фильмов можно вспомнить мюзикл «Чем дальше в лес», поставленный Робом Маршаллом в 2014 году. По-английски картина называется *Into the Woods*¹² ('в лес, в лесу'), что звучит так же, как *Into the Woods* (то есть 'к возможностям, к тому, что может произойти'). Это намек на все страшное и прекрасное, что ожидает человека в жизни-лесу, где очень даже можно заплутать. В этом темном-претемном лесу герои встречают героев известных сказок, в том числе Шапочку, девочку «в плаще, алом как кровь» и серого волка в манерном исполнении Джонни Деппа. Их сцена в сотый раз намекает нам на то, что мы все в сказке чувствуем, но редко проговариваем.

Бабушка внутри волка внутри бабушки – такая вот матрешка! Так кто же на самом деле хочет съесть девочку?

¹² То есть практически так же, как начинается стихотворение Кэрролла.

7

Традиционно в самом цвете «шаперона» виделся намек на кровь. Со временем все чаще речь заходила о крови менструальной. Кстати, не стоит забывать и о том, что в немецкой версии девочка несет бабушке бутылку вина – вероятно, тоже красного. То есть она несет по чаще леса свои драгоценности – жизнь и невинность. Если речь о жизни, то все понятно, просто и страшно. Если о невинности, то тут много вопросов. Прежде всего, сколько же лет этой самой девочке? Волк – педофил? Шапочка созрела для любви? Если да, то знает ли она сама об этом? Возможно, волк – насильник? А может, Шапочка – провокатор, которой нравится играть с хищниками и их потом разделявать?

Часто рассматривают сюжет «Красной Шапочки» и как классический треугольник «жертва – насильник – спасатель». Причем персонажи могут меняться местами или только играть свои роли. Думаю, многие из вас побывали в одной из этих ролей перед тем, как перейти к ролям второго плана – маме и бабушке Шапочки, или, например, отсутствующей в сказке, но часто присутствующей в жизни бабушке волка.

Великий психоаналитик Эрих Фромм интерпретировал «Красную Шапочку» как битву полов, из которой женщины – Шапочка и ее бабушка – выходят победительницами, а мужчина-волк терпит поражение и погибает. «Это история торжества женщин, ненавидящих мужчин, история, заканчивающаяся победой женщин», – писал Фромм. Он считал, что Красная Шапочка – не маленькая девочка, а уже созревшая девушка, почти женщина, которой пришло время выбирать: сражаться с мужчинами или же им подчиняться.

Разработчик «сценарного анализа», американский психолог Эрик Берн полагает, что Шапочка – провокатор. Она следует одному из распространенных подростковых сценариев. Девочка – осознанно или нет – ищет пути выхода из зоны комфорта в опасный мир. Это бунт против родителей и поиск крутых взрослых друзей. Найти себе волчару, покончить с опекой старших женщин, скорее свернуть с безопасной скучной тропинки – вот ее желания.

А может, волк – это только необходимый этап взросления, и нужно убить волка, чтобы перестать быть Шапочкой? Как тут не вспомнить смешное стихотворение британца Роальда Даля (1982), где Красная Шапочка сама выхватывает в решающий момент револьвер. И в итоге:

*A few weeks later, in the wood,
I came across Miss Riding Hood.
But what a change! No cloak of red,
No silly hood upon her head.
She said, 'Hello, and do please note
'My lovely furry WOLFSKIN COAT.'*

Что можно перевести примерно так:

*Недель примерно через пять
Я встретил девочку опять:
– Вас не узнать! Какой пассаж!
Где ваша шапочка? Где плащ?
Она мне говорит в ответ:
– Из волка шубки лучшие нет...¹³*

¹³ Перевод Д. Макарова.

Так или иначе, существует такое количество разнообразных взрослых интерпретаций вроде бы детской сказки, что совершенно неудивительно и появление крайних проявлений культуры – порнографических фильмов на эту тему и анекдотов вроде такого:

– Куда ты, Красная Шапочка?

– Все в порядке. Лес знаю, секс люблю.

А также, если вернуться к истокам, макабрических шуток: «Красная Шапочка на самом деле была серой, просто девочка носила ее мясом наружу».

Эрос и Танатос – важнейшие темы для человеческой цивилизации – с ними человек знакомится еще в детстве как раз благодаря таким сказкам, как «Красная Шапочка». И даже в самой сглаженно-сокращенной форме они не могут скрыть от детей своей природы. Даже в пересказе размером в один абзац «Красная Шапочка» может многое поведать человечеству о нем самом.

8

Трудно представить себе сегодня новую серьезную экранизацию «Красной Шапочки» (в отличие, скажем, от той же «Золушки»). Но нет никаких причин сомневаться, что появятся новые произведения искусства, которые будут обращаться к этой истории в других формах.

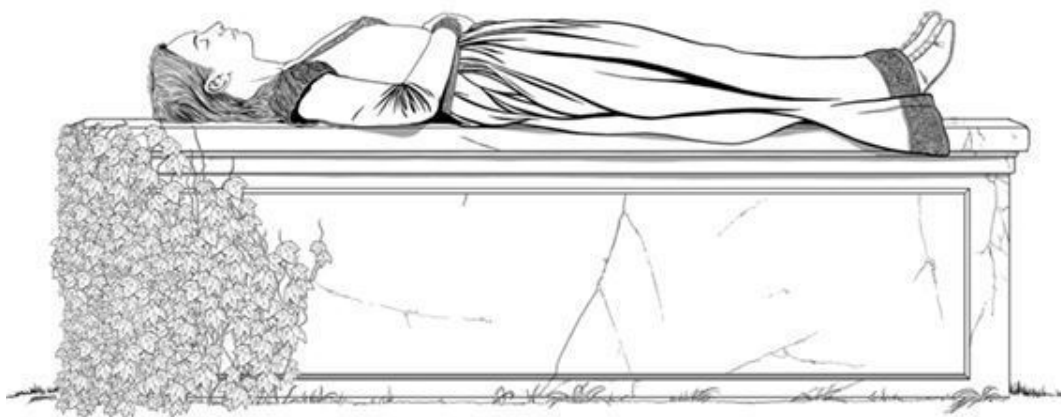
В сюжете «Красной Шапочки» между строк сказано главное о моментах взросления, созревания, преодоления табу, обретения своей сексуальности, столкновения с возможным насилием (в том числе в собственной семье), осознанием своей смертности – обо всем, с чем связано созревание девочки и девушки (да и мальчика, конечно, тоже). Поэтому сам образ останется в мировом искусстве навсегда.

Появятся тысячи новых произведений, в которых образ Красной Шапочки будет использован прежде всего в сатирическом ключе. Потому что перечисленные выше серьезные темы легче всего усваиваются человеком со сладким сиропом смеха.

Красная Шапочка точно не раз явится в хоррорах, в порно, в эротических мюзиклах, архаусных драмах, в играх-бродилках. Но везде это будет игра в Красную Шапочку и игра с образом Красной Шапочки. Понятный и принятый всем человечеством, этот образ – будто такая же стадия развития нашей психофизики, как лягушонок и рыбка – стадии развития эмбриона в утробе матери. Оглянитесь по сторонам – вот грустная усталая взрослая тетя с парой пива в очереди в кассу, вот разминающийся на турниках волосатый качок с татуировкой, вот все остальные люди. В каждом из них живет, сражаясь со своей мамой, с волком, с дремучим лесом, маленькая Красная Шапочка.

Как и в вас. Как и во мне.

Спящая красавица

Спящая красавица, или, что вернее, «Красавица в спящем лесу», – еще одна традиционная для европейского фольклора сказка, которую мы узнали и полюбили благодаря Шарлю Перро. Все в том же 1697 году он записал свою версию и выпустил ее в сборнике «Сказки былых времен с поучениями». Перро готовил свою книгу не для детей, а для двора, поэтому в его сказках ужасы смягчены, а эротический компонент читается только между строк. Но современного пытливого читателя эти ширмы не обманут.

Казалось бы, все просто – мы же помним, мы читали или смотрели. Злая фея, обиженная, что ее не позвали на крестины принцессы, появляется со страшным проклятием – когда принцесса подрастет, она уколется пальцем о веретено и умрет. Другая фея смягчает проклятие, объявив, что не умрет, а уснет на сто лет, и однажды появится прекрасный принц, и заклятие падет. Коротко говоря, все так и произошло.

Но на самом деле даже у Перро просачиваются небезобидные детали предыдущих версий сказки,

а уж если мы откроем, например, книгу Джамбаттисты Базиле, итальянского сказочника середины XVII века, то там найдем такую «Спящую красавицу», от которой чувствительным натурам может сделаться нехорошо. Сказка итальянца называется «Солнце, Луна и Талия». Талия – это имя нашей героини.

Однако сперва стоит рассказать о самом Базиле, к книге которого я буду возвращаться еще не раз.

1

Джамбаттисте Базиле, которого иногда называют первым сказочником Европы, увы, не досталось славы Перро и Гриммов, хотя именно он, видимо, раньше всех записал многие европейские сказки, передававшиеся до того из уст в уста. Его труд *“Lo cunto de li cunti”* («Сказка сказок») с издевательским подзаголовком «Забава для малых ребят» был издан в Неаполе в 1634–1636 годах в пяти томах усилиями сестры Базиле, известнейшей певицы Андреаны, поскольку самого писателя уже не было к тому времени в живых.

Очевидно, неаполитанские бабушки, со слов которых были записаны сказки, умели и любили крепко выражаться, не были чистоплюйками и не стеснялись самых откровенных тем. Впрочем, это же был излет эпохи Возрождения, буквально наслаждавшейся человеческой природой – от возвышенного до низкого, подарившей нам не только сонеты Петрарки, но также и богатый на жутковатые подробности «Ад» Данте, рыгающих философов-обжор «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле и наследника Апулея – сквернословя и сладострастника Боккаччо.

Кстати, структура книги Базиле отчасти заимствует композицию у «Декамерона». Композиция «Сказки сказок» – это своеобразный «Пентамерон» (от греч. «пенте» – пять и «эмере» – день). Пять дней десять лучших сказочниц Неаполя с колоритными прозвищами (Чекка Кривая, Менека Зобатая, Якова Говнючка и др.)¹⁴ рассказывают сказки принцу и его беременной темнокожей жене, которая, будучи хитрой рабыней, заполучила такое счастье обманом. Этот принц был пробужден от долгого (не столетнего ли?) сна принцессой Зозой, которая никогда не смеялась и умела плакать в три ручья. Чтобы пробудить принца от спячки, нужно было наполнить слезами целый кувшин, и она почти уже справилась, как внезапно устала и заснула сама. Тут-то и появилась «груда копченого мяса», как совершенно неpolitкорректно назвал Базиле служанку, подставила под плачущие даже во сне глаза Зозы кувшин, и присвоила себе наплаканное. А заодно и немедленно очнувшегося принца.

Сборник сказок Базиле становится как бы частью этой истории про неаполитанскую царевну Несмеяну. Желая вернуть себе свое, принцесса распаляет алчность и жажду развлечений в сопернице. Этими-то развлечениями и становятся 49 сказок и пятидесятая сказка-обложка, которая и сама – сюжет, и повод рассказывать все остальные сказки, и возможность логично завершить книгу относительно счастливым финалом. Относительно, поскольку беременную темнокожую рабыню тут же закопали в землю так, «чтобы только голова торчала, ради большего мучения».

Язык «Сказки сказок» замечательно передан переводчиком Петром Епифановым. Редкое предложение обходится без присказки или поговорки. И все это густо усеяно отборной изобретательной бранью. Оцените, например, такой пассаж:

«...старуха до того рассвирепела, что полностью сбилась с компаса самообладания и вырвалась из стойла терпения: на глазах у пажа высоко задрал занавес своего убранства, она показала такую пасторальную сцену, что...»

Впрочем, не будем заглядываться на пасторальные сцены, ведь нам пора идти дальше.

¹⁴ Вот полный список рассказчиц: Цеца Хромая, Чекка Кривая, Менека Зобатая, Толла Носатая, Поппа Горбунья, Антонелла Ползунья, Чулла Толстогубая, Паола Косоглазая, Чометелла Паршивка и Якова Говнючка.

2

Джамбаттиста происходил из небогатой неаполитанской семьи, у него было семь братьев и сестер, из которых особенно выдвинулся Лелио, ставший композитором. Все три сестры Базиле стали известными певицами. А будущий литератор родился в 1566 году и сделал военную карьеру в рядах венецианских войск, участвовал в обороне острова Крит от турецкого флота.

На Крите он и попробовал перо, сочиняя стихи, ведя, по моде эпохи, стихотворную переписку с поэтом Кортезе, и вступил в *литто* «Академия чудачков». Демобилизовавшись, Базиле вернулся в Неаполь в 1608 году, где стал организатором театральных представлений, маскарадов и вечеров при дворах аристократов. Это было, кстати, обычным явлением. Примерно тем же, например, занимался на сто лет раньше сам Леонардо да Винчи при дворе миланского герцога Лодовико Моро.¹⁵ За живопись и литературу, видимо, платили существенно меньше.

Служба, как сейчас бы сказали, эвент-директором не повредила литературной деятельности Базиле – мы знаем, что он состоял в неформальном клубе «Академия бездельников», объединявшем первые умы и таланты Юга Италии. Очевидно, в эти годы Базиле активно собирал и обрабатывал сказочные сюжеты, завершив свой весьма объемный труд только к концу жизни.

Судьба книги Базиле оказалась счастливой и несчастливой одновременно. Великий сказочник был поборником родного, неаполитанского диалекта, который, в общем-то, уступил тосканскому партию первой скрипки итальянского языка. Во многом это связано и с тем, что именно Север, а не Юг сыграл в объединении Итальянского государства решающую роль. Переведенный в XVII–XVIII веках на французский и английский, в XIX – братьями Гримм – на немецкий, «Пентамерон» Базиле был полностью издан на литературном итальянском непростительно поздно, только в 1925 году. Что до русских читателей, то они и вовсе получили возможность прочесть часть из 50 сказок в переводе Петра Елифанова лишь в 2012 году (полная версия издана в 2015).

Вот и вышло, что Шарля Перро и Гриммов знают все, а Джамбаттиста Базиле, поклонившись богу сказок, тихо ушел в тень истории.

¹⁵ Лодовико Мария Сфорца по прозвищу Моро («Мавр») был герцогом Милана в 1480–1499 годах. При его правлении Миланское герцогство сравнялось в могуществе с Флоренцией и Римом. Практичный герцог больше ценил не изящные искусства, а науку и прогресс, покровительствовал итальянскому первопечатнику Панфило Кастальди. Сам Леонардо был для него в первую очередь инженером и архитектором, хотя и активно работал в Милане, как художник и скульптор. На двух женских портретах кисти Да Винчи – «Прекрасная Ферроньера» и «Дама с горностаем» – изображены любовницы Лодовико Моро. Как и Да Винчи, герцог закончил свои дни во Франции. Но если великого художника пригласил к своему двору король Франциск Первый, то бывший правитель Милана был пленен в 1499 году войсками предыдущего короля Франции Людовика XII и умер в 1508 году в замке Лош.

3

Но вернемся к нашей спящей красавице Талии. Сказка о ней – одна из последних в книге Базиле, Поппа Горбунья рассказала ее на пятый день.

По моде эпохи Возрождения, грядущие беды от льняной кострицы в сказке Базиле девушке предсказали не феи, а астрологи. Родители, конечно, тут же запретили в королевском замке льняную пряжу, но подросшая Талия однажды увидела из окна замка, как некая старушка прядет лен, и попросила дать ей попробовать. Стала прясть, немедленно получила занозу (та самая кострица попала ей под ноготь) и заснула мертвым сном.

Было решено оставить заснувшую красавицу тут же во дворце. Опечаленный отец запер двери и более в «место непереносимой скорби» не возвращался. Там-то принцессу спустя «некоторое время» и нашел во время охоты один молодой король. Ну, как нашел? Его охотничий сокол залетел в окно дворца. А надо сказать, что это были птицы очень дорогие, ценились на уровне лошадей и были обычным подарком царей друг другу. В общем, забравшись во дворец в поисках сокола, король обнаружил там кое-что поинтереснее. А именно, спящую на бархатном троне красавицу. Он, однако, не смог разбудить ее, как ни кричал, и, «воспламененный ее красотой... отнес на руках на ложе, где сорвал плоды любви», то есть занялся с ней сексом.

Как тут не вспомнить потрясающий фильм Педро Альмодовара «Поговори с ней» (2002), где молодой санитар 4 года ухаживает за находящейся в коме девушкой Алисией, влюбляется и разговаривает с ней. Только разговаривает. В том числе пересказывает содержание фильма, в котором мужчина, уменьшившийся до размеров пениса, исчезает в вагине своей возлюбленной. И вдруг после этого разговора Алисия оказывается беременной, а потом и вовсе пробуждается от комы во время родов.

Ну а наша Талия, не просыпаясь, рождает сына и дочь – Солнце и Луну. Те при помощи фей находят грудь и сосут материнское молоко. Так бы все и продолжалось, если бы дети однажды не потеряли грудь, не впились бы губами в палец матери и не высосали ту самую занозу-кострицу. Тут-то мама и проснулась.

Что до нашего короля, то он о ней хоть и не сразу, но вспомнил и под предлогом охоты отправился на поиски дворца, где ему однажды было так хорошо. А там уже, вот радость, его ждала готовая семья – красавица-жена и двое «расписных яичек».

Тут-то и начинается самое интересное. Ведь король женат (какой скандал!). А поскольку муж отныне фактически живет на две семьи, жена его постепенно начинает обо всем догадываться. Супруга вечно нет, а во сне он называет имя Талии и вздыхает о детях. Допросив слугу короля, королева от имени мужа приглашает в свой дворец детей Талии – Солнце и Луну. Из малышей она велит приготовить мясной пирог для короля. Тот, конечно, пирует и нахваливает, а королева шепчет: «Ешь на здоровье! Ты ведь ешь свое». Брр... Ладно, не буду вас мучить, повар сжалился над детишками и приготовил пирог с козлятиной.

Талию же королева хотела бросить в костер, но вовремя явившийся король бросил туда саму королеву. Он женился на Талии и «счастливо прожил с ней долгую жизнь». Тут хочется, конечно, добавить, что однажды, когда-нибудь потом ведь все может измениться, и раздавленная Талия окажется следующей нелюбимой королевой. И что же она тогда предпримет?

4

В версии Шарля Перро – главная злодейка второй части – не нелюбимая жена, а королева-мать. Принц, пробудивший и полюбивший красавицу, не торопится везти ее домой, зная, что мать – из племени людоедов и может запросто слопать невестку и внуков. В этом месте некоторые вздохнут: ах, так часто и бывает.

Ревность жены сменяется ревностью очевидно психически нездоровой матери, которая, поняв, что ее обманули и ела она не детей и их мать, а барашка, козленка и трепетную лань, поставила на площади чан со змеями и прочими гадами, которым хотела скормить семью сына. Однако вовремя появился молодой король, и «людоедка, в бешенстве от того, что ей помешали, сама бросилась в чан, вниз головой, и в один миг была сожрана мерзкими тварями, которых она велела туда насажать. Король не мог не огорчиться: ведь это была его мать; но он вскоре утешился со своей прелестной женой и своими детьми». В отличие от версии Базиле, зло у Перро выявляет и наказывает себя самостоятельно.

Тем удивительнее, что братья Гримм, обычно даже смаковавшие жуткие подробности сказок, в своей версии (1812) сосредоточились на столетнем сне и завершили сказку так называемым «Поцелуем в диафрагму»¹⁶, после которого уже никаких бед в жизни героев до самой смерти не приключалось. Гриммы первые почувствовали, что вторая часть сказки – лишняя, и, отрезав макабрический финал, создали каноническую версию «Спящей красавицы». Так что в дальнейшем, даже пересказывая Перро, некоторые авторы делали, как Гриммы: поцелуй – пробуждение – жили долго и счастливо.

¹⁶ Это выражение появилось в период расцвета немого кино, когда любовные истории часто заканчивались поцелуем героев. Кадр вокруг затемнялся, имитируя сужение диафрагмы камеры. Со временем «поцелуем в диафрагму» стали называть любой приторный, порой неправдоподобный хеппи-энд кино про любовь. Мне вспоминается удивительная голливудская экранизация «Анны Карениной» с Гретой Гарбо (1927), где нет никаких поездов, Анна не умирает и после смерти мужа воссоединяется с Вронским. Фильм как раз и заканчивается поцелуем. Прелесть! Поищите в интернете.

5

Сказки меняются, от автора к автору обрастая новыми подробностями, теряя старые. У Базиле героиня проспала лишь «некоторое время», в то время как у Перро и у Гриммов добрая фея заменила грядущую смерть столетним сном. В более поздних версиях порой и эта цифра отсутствует: мол, будет спать, пока не поцелуют.

«А, так это летаргический сон!» – восклицают любители искать рациональное объяснение любому чуду. Надо отметить, что в эпоху Возрождения повысилось научное внимание к человеческому телу и стали появляться записи о летаргических состояниях, когда человек в результате сбоя в организме мог оставаться в необычайно глубоком сне до нескольких дней. Например, известно, что в 1344 году великий поэт Петрарка 20 часов считался мертвым, но очнулся и прожил еще 30 лет. Позже это состояние стали называть кататонией – при нем апатия, сонливость и слабость доходят до такого уровня, что человек может годами походить на живой труп. Так, академик Иван Павлов описывал случай Ивана Качалкина, который провел в этом состоянии с 1896 по 1918 год. Однако все же его кормили, хоть и с помощью зонда, поскольку без еды и воды человек умирает. Поэтому в чистом виде «летаргический сон» – это художественная фантазия.

Тем не менее в XVII–XIX веках разговоры на эту тему велись беспрестанно. Многие боялись, заснув, проснуться в гробу. Этот страх называли тафофобией (от греч. «тафос» – гроб). Так что придумали даже изготавливать безопасные гробы с возможностью подавать сигналы наружу или самостоятельно выбираться из могилы. Впервые такой продвинутый гроб был изготовлен для принца Брауншвейгского Фердинанда в 1792 году. В гробу, установленном в фамильном склепе, были сделаны окна для солнечного света, проведена трубка для подачи воздуха, в карман принца были положены ключи от гроба и склепа. Но все оказалось напрасным – принц не проснулся. Впрочем, возможно, просто некому было его поцеловать.

До 1934 года безопасные гробы производились и патентовались в Европе и Америке. Страх быть похороненным, несмотря на то, что ты всего лишь мирно заснул, испытывали многие – Эдгар Алан По, Марина Цветаева, Николай Гоголь. Смерть последнего обросла невероятным количеством спекуляций. Многие и сегодня, понизив голос, всерьез рассказывают, что при эксгумации тела классика выяснилось, будто он в гробу лежал ниц, а сам гроб был расцарапан изнутри ногтями.

Своеобразной спящей красавицей долго была богатая жительница Манчестера Ханна Безуик. Ее брата вроде бы чуть не похоронили заживо, поэтому женщина строго-настрого завещала не опускать ее в землю, пока не будет точно удостоверено, что она умерла. В результате в 1758 году старушка была забальзамирована, положена в футляр для настенных часов и выставлена на обозрение – тело, согласно завещанию, даже возили раз в 21 год в ее поместье Бёрчин-Бауэр! И только в 1868 году, спустя 110 лет, признав, что Ханна «безвозвратно и несомненно мертва», ее, наконец, похоронили.

Современная наука исключает не только возможность ошибочного диагноза «смерть», но и столетнего сна без ухода и правильного питания. Правда, по свежей моде, многие состоятельные люди просят замораживать их тела сразу после смерти, чтобы когда-нибудь поцелуй науки смог пробудить их к дальнейшей жизни.

Нельзя забывать и о христианском взгляде на смерть как на очень долгий сон, конец которому будет положен другим Принцем – сыном Бога Иисусом Христом. Взгляните на бесконечные трактовки сцены Страшного суда, присутствующие почти в каждом храме. Да хотя бы на фреску Микеланджело (1541). Там пробуждаются к жизни крепко выпавшие люди, которых тут же ведут либо в рай, либо в ад. В Средние века событие это – конец света – считалось не только реальным, но и неоднократно ожидалось. В 1000, 1037, 1492, 1666 году. Что

говорить, если в 1491 году, накануне открытия Америки, многие крестьяне не засеяли поля, полагая, что это больше не нужно, спящие проснутся и будут либо накормлены, либо съедены, поэтому на будущий год во многих местах случился нешуточный голод.

6

Столетний или бесконечно долгий сон – самая интересная часть сказки о «Спящей красавице». Его неоднократно трактовали психологи и психоаналитики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.